

Аналитическая статья

УДК 141.81

DOI: 10.24412/2078-9238-2025-254-22-34

ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННОГО ПРОЧТЕНИЯ УТОПИИ: ЖИВЫ ЛИ ПРЕЖНИЕ КОНСТРУКЦИИ?

Татьяна Борисовна Карулина

Национальный исследовательский технологический университет «МИСИС»,
Москва, Россия,

karulina.tb@misis.ru; <https://orcid.org/0000-0003-0735-009X>

Аннотация. В публикации делается попытка показать связь подходов к типологии утопий в XX веке с восприятием этих типологий как вариантов решения проблем, социальных и политических, и определить место идей К. Э. Циолковского в этом типологическом многообразии. Рассматривая проект идеального, но возможного общества у Циолковского, автор выделил базовые элементы этого общества — алгоритмы и рецепты этих усилий по созданию наилучшего общества, опираясь на два, исчерпывающим образом описывающих это общество понятия: долг и польза, — когда долг жительства в идеальной общине (наилучшем обществе) идеального человечества лежит на каждом, польза же существует для всех.

Ключевые слова: долг, польза, проект идеального общества, община, алгоритмы, рецепты, утопия, идеология, типологии утопий.

Для цитирования: Карулина Т. Б. Проблема современного прочтения утопии: живы ли прежние конструкции? // Вестник МГПУ. Серия «Философские науки». 2025. № 2 (54). С. 22–34. <https://doi.org/10.24412/2078-9238-2025-254-22-34>

Analytical article

UDC 141.81

DOI: 10.24412/2078-9238-2025-254-22-34

THE PROBLEM OF MODERN READING OF UTOPIA: ARE PREVIOUS CONSTRUCTIONS ALIVE?

Tatyana B. Karulina

National University of Science and Technology «MISIS»,
Moscow, Russia,

karulina.tb@misis.ru; <https://orcid.org/0000-0003-0735-009X>

Abstract. The publication attempts to show the connection between approaches to the typology of utopias in the 20th century and the perception of these typologies as options for solving social and political problems, and to determine the place of K. E. Tsiolkovsky's body of ideas in this typological diversity. Considering Tsiolkovsky's project

© Карулина Т. Б., 2025

of an ideal but possible society, the author identified the basic elements of this society — the algorithms and recipes of these efforts to create the “best society”, relying on two concepts that exhaustively describe this society: duty and benefit, when the duty of living in an ideal community (the best society) of ideal humanity lies with everyone, while benefit exists for everyone.

Keywords: duty, benefit, project of an ideal society, community, algorithms, recipes, utopia, ideology, typologies of utopias.

For citation: Karulina, T. B. (2025). The problem of modern reading of utopia: are previous constructions alive? *MCU Journal of Philosophical Sciences*, 2 (54), 22–34. <https://doi.org/10.24412/2078-9238-2025-254-22-34>

Будущее превратилось из надежды в угрозу.

Чак Поланик

Введение

Моя работа не касается всего наследия Циолковского, огромного по смыслам и направлениям, посвященного космической трансформации от несовершенного физически и интеллектуально человека до совершенного атома духа или эфирного тела (высшего состояния жизни). В сферу моего интереса попадает «промежуточное состояние», от возникновения общин до их роста, и регуляция жизни в них и между ними. *Целостное осмысление проблемы утопии и утопизма позволило увидеть особенности проектов Циолковского и выявить специфику его теоретических построений.* В последнее время на фоне растущего интереса к философии Циолковского (не только к его инженерным проектам и ракетостроению) и незатихающего (после Второй мировой войны) интереса к утопиям исследователи обратили внимание на один из самых интересных аспектов идейного наследия как всего русского космизма, так и наследия Циолковского — проекты идеального общества.

Проблемам утопии и утопизма как феномену XX века посвящено большое количество публикаций не только западных, но и отечественных исследователей (см.: [Mumford, 1922; Мангейм, 1929; Аинса, 1999; Нисбет, 2007; Claeys, 2004, 2011, 2016; Клеес, 2018; Дарендорф, 2002; Чаликова, 1994; Мапельман, 2019, 2023; Хорунжий, 2019, 2021; Халуторных, Максимова, 2021]). Начало интереса к утопическим идеям и концепциям русского космизма русских исследователей начинается с В. В. Зеньковского [Зеньковский, 1991] и В. А. Чаликовой [Чаликова, 1994].

Проблема конструируемых (конструирования) идеальных обществ может быть рассмотрена с нескольких позиций. Во-первых, идеальное общество как утопия, создаваемая исключительно как вербальная конструкция без расчета на реализацию. Неслучайно Томас Мор долго противился переводу на английский язык своей работы *Libellus vere aureus, nec minus salutaris quam festivus*,

de optimo rei publicae statu deque nova Insula Utopia («Поистине золотая книжечка, столь же полезная, сколь и забавная, о наилучшем устройстве государстве и о новом острове Утопия»). Она была необходима автору либо как критика существующих порядков (как впоследствии и у Т. Кампанеллы), либо как проекты (или, скорее, нарративы), когда невыносимые условия жизни граждан противопоставлялись идеальному проекту, создававшемуся не для реализации, а для контраста («посмотрите, как это может быть организовано»). Во-вторых, идеальное общество как реальный проект наилучшего будущего устройства, который пытались реализовать (например, коммуны и ячейки социалистов-утопистов, воспитательные концепции Ж.-Ж. Руссо и пр.). Эти прекрасные варианты организации будущего создавались для счастья человека. Идеальность этих проектов в том, что авторы, конструирующие идеальное общество были уверены, что они лучше граждан знают, какое благо им будет обеспечено в наилучшем государстве. И мы получаем идеальное государство (уже не общество) в качестве идеологического, но не утопического проекта.

В России в конце XIX – первом десятилетии XX века возникает третий, неполитический вариант утопизма. Это вариант Константина Эдуардовича Циолковского [Циолковский, 2006], где в полностью неполитической, несоциальной, а в природной среде в процессе реализации естественных закономерностей (т. е. «точного знания о природе») идеальный проект общества выстраивается сам, при незначительных усилиях людей, но усилиях сознательно организуемых. Зародыш этого естественного общества — община хороших людей; число таких общин постоянно растет за счет просвещения граждан, и их увеличение представляется автору естественным процессом.

В это время разрабатываются идеальные проекты государства, сориентированные либо на прошлое (утопии неструктурированного, равного и одновременно справедливого общества), выступающее фоном для невыносимого настоящего, либо устремленные в отдаленное будущее, опять-таки отрицающее гнетущее, но возможно изменяемое настоящее (К. Э. Циолковский). Возникает вопрос: можно ли считать проект будущего общества, описываемый в работах К. Э. Циолковского, утопическим или он представляет собой вариант литературного творчества? Его утопичность спорна, ведь на его реализацию Циолковский отводит миллионы лет. Литературным произведением его назвать тоже нельзя: слишком детально философ описывает его составляющие и способы разворачивания.

Цели исследования

Прежде всего важно понять целостную концепцию Константина Эдуардовича Циолковского, собрав ее из многочисленных статей, больших работ и набросков, через отнесение ее к другим утопиям, проектам идеального общества или «миражам» (по словам самого Циолковского) и сопоставить

его теоретическую конструкцию с другими проектами или утопиями. Для этого важно:

- выделить специфические смысловые блоки в концепции проекта идеального общества Циолковского, определившие всю архитектуру его проекта;
- рассмотреть существующие современные типологии утопий и попытаться вписать концепцию Циолковского в одну из них или выделить для нее особое место.

Если идеология не выступает в качестве системы скрепления общества, она «не существует», так же как и государственные институты не заменяются возникшими на добровольной основе общинами, объединенными совместной жизнью, но при этом не связанными профессиональной или производственной деятельностью. Не функционирующая как для авторов проектов, так и для жителей общин идеология существует в виде программы просвещения или образования населения. Одновременно она включает в себя сценарий селекции неподходящих индивидов, который осуществляется с помощью институтов идеального общества, носящих народный, электоральный характер, поэтому не рассматриваемый как система идей, управляющих совместно живущими индивидами. При этом в идеальных государствах термин «государство» — это избегаемое слово, его обычно заменяют на понятия «община», «сообщество», «страна», «нация», «народ».

Для России (надо отметить, что проект Циолковского имеет отношение ко всей нашей планете) реализация проекта идеального общества основана:

- на существовании и открытии естественных законов, распространяющихся на развитие и функционирование общества, без учета всякой социальности;
- на развитии единиц (членов общины) социума как бы естественным порядком через образование и книги;
- на включении членов общины в ее социальную жизнь (без использования понятия и феномена «социальное») через управление ею (ротация и функционирование на разных ролях в общине в зависимости от характера и знаний каждого);
- на возложении на науку, а до определенного уровня развития человечества — на модифицированную религию, функций идеологии. Для Циолковского идеология — это «скрывающаяся» часть управления социумом, а открытая часть — это наука и рациональное, прежде всего естественное и техническое знание.

Община у Циолковского полностью лишена социальности. Она носит натуральный, природный характер, все взаимодействия и внутри, и вне общины основаны на со-вместности. Со-вместное житие в общегитии, пусть очень комфортном и устроенном согласно научным достижениям. Со-вместный труд (организуемый естественным путем). Со-вместное общинное существование, в котором есть выборы-ротация власти и в общине и над общинами. Со-вместное улаживание конфликтов (или сепарация несогласных) в рамках естественного (не дарвиновского, но ньютоновского), механического

разрешения всяческих проблем. Однако при необходимости «должно всегда иметь возможность вооружить несколько очередных воинов, послушных и здоровых для борьбы против зла. Также в случае неповиновения решению суда и т. д.» [Циолковский, 2006, с. 87]. В проекте будущего идеального мира, устроенного как соты, но иерархизированного от менее совершенных общин (по качеству состоящих в нем общинников) к более совершенным, процесс направленного позитивного преобразования «естественен, природен». Его природный характер объясняет возможность его редуцировать и объяснять, а следовательно, природа сама все организует.

Проблема реализации (и существования) проекта идеального общества могла бы быть ограничена базовыми ценностями, разделяемыми членами общин, либо принятыми в межобщинных отношениях. Однако изгнание из идеального общества социального и социальности эту проблему превращает в несуществующую, ибо ценности связаны и с обыденной жизнью общинников, функционируя и на базовом уровне. Противоречащее им поведение приведет либо к изгнанию из общины, либо к жесткому постоянному контролю, добирающемуся до всех сторон жизни человека, даже не считающихся негативными или опасными. Все направлено на улучшение жизни общины и, следовательно, каждого ее члена, а как будет лучше всем, знают авторы проектов или главы общин.

Авторы идеальных проектов, которых можно сгруппировать вокруг утопии Т. Мора, полагали, что «контроль во благо» реализует лучшие возможности проектов такого рода, и «Миражи будущего общественного устройства» К. Э. Циолковского [Циолковский, 2006], по сути дела, завершали идейный строй, начатый Т. Мором. Обещая людям счастье, никто из этих авторов не говорил о свободе, праве на выбор, несогласии с большинством, все сосредоточились на равенстве, иногда на справедливости, еще реже на контроле за мыслями, но все это описывалось в воображаемых проектах. Европейские (и не только) государства, еще не столкнувшиеся с реальными возможностями контроля над сознанием, еще не видевшие опасностей и последствий такого рода контроля, только задумывались над возможными его формами и плохо представляли себе как пластичность самого сознания, так и реальные пути его контролирования. При этом появившееся огромное число литературных и философских публикаций, описывающих строительство идеальных обществ, позволило по-иному взглянуть на тот океан проектов, которые к середине XX века нашли своих читателей. Они вольно или невольно привели их в ужас, разделив на сторонников равенства (и разных степеней несвободы) и сторонников свободы, настаивающих на иных ценностях, включающих ответственность и возможность свободы выбора.

Первая цель: выделить специфические смысловые блоки в концепции проекта идеального общества К. Э. Циолковского, определившие всю конструкцию его проекта. Теоретическое наследие Циолковского, посвященное проектам развития человечества, построено на трех больших смысловых

блоках: алгоритм и рецептурность; сепарация и просвещение; долг и польза. Алгоритм и рецептурность существуют для внешнего по отношению к образующему общины человечества мира, стоящего над общинной земной жизнью и ориентирующего развитие социума в соответствии с естественно-научными закономерностями и направленной эволюцией.

Сепарация и просвещение касаются управления и организации непосредственного существования общины (общин), устройства жизни ее членов и избавления от недостойных (если они для нее бесполезны). Это может быть удаление из общины, запрет на деторождение, наблюдение (контроль) за общинниками выборными главами общины и самими общинниками для выделения лучших, способных занять место ее главы. Просвещение, по мысли Циолковского, возможно как через книги и с помощью учителей, так и в процессе наблюдения за жизнью членов общины для получения от них знаний и приобретения навыков ремесла.

Долг и польза — это этические категории, выступающие основой жизни внутри общины. Это тот «клей», который создает и скрепляет общину. Циолковский предлагает три его уровня: космический (организация «всекоsmической жизни»), всепланетный (возможность развития общины от одной до охвата ими всего земного человечества) и внутриобщинный (уровень обычной каждодневной жизни).

Идеальное устройство жилья, идеальный быт, идеальная гигиена (в том числе и одежда), нормированный труд и нормированный досуг общинников превращают их в идеальных членов общины, полностью лишенных субъективности, похожих на шахматные фигуры на доске, когда игроков интересует только их путь. Прекрасный, новый, абсолютно стерильный мир предполагает и наличие таких общинников, в систему идей которых на раннем этапе становления общины наряду с научными представлениями входит и подкорректированное и рационализированное «христианство». Впоследствии религиозный элемент будет вытеснен. Регламентируются и отрицательные качества общинников. Исправлению, контролю и сепарации подвергнутся общинники с отрицательными качествами, но полезные для общины, талантливые и творческие в разных областях.

Человек «мечтает не только завоевать свою Солнечную систему, но и посетить иные. Цель — ликвидировать безболезненно все несовершенное (зачаточное) и заселить планеты своим совершенным поколением... Не лучше ли бы было, если бы Земля прямо была заселена сознательными существами. Тогда не было бы этого хвоста страданий и безумия... Итак, разум и могущество высших существ, зародившихся на высших планетах, ликвидируют зачаточную жизнь на иных планетах и заселяют их своим потомством. Подобно этому огородник выпалывает на своем огороде сорные травы и сажает на нем полезные овощи» [Циолковский, 1928, с. 9–10]. Право на насилие декларируется так «обычно», т. е. несовершенные существа лишены человеческих качеств не в силу аморальной позиции автора, а в силу его стремления к совершенству и движению человечества вперед.

Вторая цель: рассмотреть некоторые современные типологии утопий и попытаться вписать концепцию К. Э. Циолковского в одну из них или выделить ее специфическое место.

Мой анализ касается:

- утопий, создающих «реальное пространство»: «убежать» или «изменить» Льюиса Мамфорда и «законсервировать» или «изменить» Карла Мангейма (онтологизированные);
- «утопий, осознающих пространство»: «плохо», «хорошо», «критикуемо» Грегори Клееса (гносеологизированные);
- «утопий, когда их существование и осознание не является значимым»: «каким образом или что построили» Виктории Атомовны Чаликовой (результатирующие);
- «утопий как средства влияния на социум и его проекты» Ольги Николаевны Халуторных (инструментализированные);
- «утопий, когда их анализируют с разных оснований» Алексея Валентиновича Хорунжего (аксиологизированные).

Обращение к типологии утопий и «идеальных проектов», как мне кажется, следует начать с работы Льюиса Мамфорда «История утопий», в которой типология утопий основывается на требованиях «убежать» или «изменить»: «бегство или компенсация; она стремится к немедленному освобождению от трудностей или разочарований нашей судьбы» и «обеспечить условия для нашей жизни: освобождение в будущем. Утопии, соответствующие этим двум функциям, я буду называть утопиями побега и утопиями реконструкции. Первая оставляет внешний мир таким, какой он есть, вторая стремится его изменить, так что можно иметь с ним общение на своих условиях» [Mumford, 1922, p. 15].

В 1929 году выходит книга Карла Мангейма «Идеология и утопия». Для Мангейма «идеология» и «утопия» скорее не теоретические конструкты отдельных авторов, а продукт мышления, рассматриваемый через его социальный характер, когда производящим оказывается не одинокий автор, живущий вне социальности, а социальные группы, вставленные в общественный процесс. «В слове “идеология” имплицитно содержится понимание того, что в определенных ситуациях коллективное бессознательное определенных групп скрывает действительное состояние общества как от себя, так и от других и тем самым стабилизирует его. Понятие утопического мышления отражает противоположное открытие, также сделанное в ходе политической борьбы, а именно: определенные угнетенные группы духовно столь заинтересованы в уничтожении и преобразовании существующего общества, что невольно видят только те элементы ситуации, которые направлены на его отрицание. Их мышление не способно правильно диагностировать действительное состояние общества. <...> Их мышление никогда не бывает направлено на диагноз ситуации; оно может служить только руководством к действию» [Мангейм, 1929, с. 22]. Выступая как разные интеллектуальные позиции на состояние и анализ общества, идеология и утопия все более сливаются друг с другом, происходит «опрозрачивание» утопий и распад утопии

как целостного представления о лучшем будущем, превращаясь в парламентскую практику, основанную на «возможных точках зрения» [Мангейм, 1929, с. 128]. Сами же утопии и идеологии трансцендентны настоящему и сохраняются в прослойке интеллектуалов.

С выходом из печати небольшой публикации «Утопия и утопизм: история осмысления понятий» Грегори Клееса, исследователя, выпустившего по проблеме утопий и утопизма уже более 20 серьезных трудов, в качестве нового варианта типологии после сорока лет перерыва возвращается ее классический вариант. Автор обращается в ней к типологии Лаймана Тауэра Сарджента (Lyman Tower Sargent), выделившего позитивные и негативные утопии, дополняя ее еще одним видом — критическими утопиями. «Утопизм — социальное мечтание. Утопия — несуществующее общество, детально описанное и, как правило, помещенное в определенные пространственно-временные рамки. <...> Эвтопия, или позитивная утопия, и «дистопия, или негативная утопия, — несуществующее общество, детально описанное и, как правило, помещенное в определенные пространственно-временные рамки, которое современным автору читателем должно восприниматься как значительно менее благополучное, чем то, в котором он на самом деле живет» (цит. по: [Клеес, 2018, с. 149]).

В. А. Чаликова была, вероятно, первой среди отечественных исследователей, кто ввел в русскоязычный научный оборот начиная с 80-х годов XX века значительное число неизвестных в СССР авторов современных утопий. В книге «Утопия и свобода» Чаликова предлагает свою типологию утопий: «утопические проекты, вдохновленные верой в возможность онтогенетической мутации (здесь и далее курсив в цитатах мой. — Т. К.), в способность евгеники вывести биологически новый тип человека; “духовные” утопии, христианские по генезису... *теократические модели*... плод глубокого кризиса формальной демократии; *проекты усовершенствования “демократической игры”* с помощью электронных коммуникаций; *программы радикальной перестройки отношений человечества* и физической среды — экологические и социально-этологические утопии, переводящие проблему общественного развития в план естественной истории; усиленное галлюциногенами эйфорическое визионерство контркультуры... редкие анахронистские пасторальные утопии и поток *антиурбанистических дистопий*...» [Чаликова, 1994, с. 80]. И далее: «Поле современной утопической мысли лежит таким образом между двумя источниками, из которых она родилась и в которые обречена впадать, каковы бы ни были ее взлеты и зигзаги, — *между религией и реформаторской деятельностью*» [Чаликова, 1994, с. 103].

Следует остановиться на еще двух типологиях, которые могут показать другой пример отношения к утопическим проектам [Хорунжий, 2019, 2021; Халуторных, Максимова, 2021]. Это не первые работы исследователей, но в них предложены интересные варианты классификаций утопий (прежде всего русских философов).

А. В. Хорунжий предлагает сгруппировать утопические проекты по разным основаниям: уровню продуцирования; степени подлинности; социокультурному наполнению идеала; направленности критического действия; типу предлагаемого развития общества, на основе выделяемых групп утопий. В итоге утопия может быть народной, литературно-теоретической, официальной (административной); утопией, полуутопией, квазиутопией; романтической; теократической, технократической; утопией бегства, утопией реконструкции; утопией эволюции; утопией катастрофы.

Публикации О. Н. Халуторных посвящены утопиям русских космистов, но ее функционалистский подход к утопиям допускает, что подобный акцент может быть характеристикой не только утопий русских космистов. Халуторных пишет о трех функциях утопий: прогностической, моделирующей и детерминирующей. Однако все они интересуют автора с определенной точки зрения: «утопия моделирует желаемую конструкцию общественного устройства, и влияние утопии характеризуется возможностью создания для развивающейся системы жестких детерминирующих рамок» [Халуторных, Максимова, 2021, с. 51]. Именно поэтому у утопии есть способность «к формированию новой мировоззренческой парадигмы; возможность воплощения прикладных концептов, составляющих утопию; способность утопии к сокращению количества вариантов развития социальной системы [Халуторных, Максимова, 2021, с. 51].

Затронутые в работе типологии были построены исходя из разных возможностей (биологических или духовных) человека, из разных типов и форм политических режимов, трансформаций взаимоотношений человека и природы, из разных форм бегства (из времени, пространства, места) и из разных вариантов приспособления, функций и результатов построения утопий. Все они укладываются в «Идеологию и утопию» Мангейма, онтологизировавшего феномен мышления и представившего в нем утопию и идеологию как формы мышления и действия через «изменить» и «сохранить». Все утопии попадают в «изменить», затем измененное — в «сохранить» в достигнувшем «блаженного» места, времени или состояния. Превращение утопий, в том числе литературных, в теоретические (по Мангейму, идеологические) конструкты, имеет как позитивный, так и негативный смысл. Так, дорабатывая и додумывая высказанные авторами идеи, особенно по мере приближения человечества к ожидаемому будущему, оно яснее видит перспективы сверхконтроля (как будущего, выстраиваемого по плану «тех, кто знает как», сверху), с необходимостью прибегать к насилию, по мере того как опыт проживания определенных режимов уже виделся и проживался людьми. С негативной же позиции — это доведенные до абсурда предлагаемые идеи и концепции, при модернизации и проигрывании которых в качестве реальных сценариев мы получаем злодеев-проектировщиков уже виденных нами и опасных для людей режимов, которые можно реализовать в соответствии с предлагаемой инструкцией. «Технологический и технократический рай» ее содержит, его авторы

уже построили такой мир в своих книгах, не сообщив механизма достижения всеобщего счастья, а показав только результат. Процесс реализации проекта фактически заменен галереей картинок будущего идеального общества, а поэтому спокойно-бесконфликтного.

«Попытка осуществить, материализовать утопию неотвратимо должна была столкнуться с тем, что для реализации замысла, воображенного — и воображаемого — мира, нужен и воображаемый человек, коим тот мир будет заселен. Но мир уже существует. И заселен людьми, неисчерпаемое разнообразие которых мешает умозрительным преобразованиям. И потому приходится не мир приспособлять к человеку, но человека приспособлять к миру: переделывать, обтесывать, сортировать etc. Человек должен, обязан соответствовать миру, а не наоборот. И террор, в основе коего — всегда — идея совершенствования мира, становится неизбежен» [Русская антиутопия, 2014, с. IX].

Заключение

Насколько необходимо постоянное возвращение к великим идеям, если они не являются современными и показали невозможность своей реализации (пока)? К. Э. Циолковский отводил миллионы лет на разворачивание космической эволюции, и, возможно, мы не понимаем, что на этом пути сделаны лишь первые шаги. Скорее всего, постоянное возвращение к утопическим проектам и живучесть утопизма прежде всего связаны с людьми, с авторами проектов идеального общества, невольными их обитателями, оперирующими плохим, слабым и корыстным материалом, «кривыми горбылями» (И. Кант), с которыми им приходится работать.

«Эти антиутопические критики упустили из виду тот факт, что одним из главных факторов, обуславливающих любое будущее, являются установки и убеждения, которые люди имеют по отношению к этому будущему, — что, как сказал бы г-н Джон Дьюи, в любом суждении о практике вера человека в гипотезу — это одна из вещей, которая влияет на ее реализацию» [Mumford, 1922, p. 299].

Многочисленные современные попытки понять утопические проекты, классифицировав их, могут дать нам намного больше, чем сами утопии или проекты идеальных обществ. Они способны показать нам наши страхи и наши надежды, дать понять, что люди хотят от таких наивных и недостижимых проектов, почему спустя пятьсот лет после выхода «Золотой книжечки...» не прекращается интеллектуальная работа над ней. А ведь «Утопия» была написана для узкого круга друзей автора, но почему-то критики и почитатели постоянно возвращаются к ней. Различая бытийный (онтологический) план утопий, наверное, во многом уже устаревший и непонимаемый, мы получаем возможность собрать воедино идеи. Проговаривая складывающиеся «миражи», мы понимаем и хотим понять себя, все расширяем и расширяем как саму

классификационную базу, внося туда те утопии, которые, реализуясь в свое время, казались весьма успешными, выходя «на специфический тип оценки и прогнозирования тех или иных тенденций общественного развития» [Чаликова, 1994, с. 91].

Возможно, поэтому необходимо помнить Мангейма: «если уничтожение идеологии представляет собой кризис лишь для определенных социальных слоев и возникшая благодаря выявлению идеологии объективность служит для большинства средством достигнуть более ясного понимания самих себя, то полное исчезновение утопии привело бы к изменению всей природы человека и всего развития человечества», потому что «наиболее важные изменения духовной структуры тесно связаны с преобразованием утопического элемента и не могут быть поняты в отрыве от него» [Мангейм, 1929, с. 133].

И постоянно возвращаясь к утопиям, проектам наилучшего общества, перечитывая и «перепонимая» их, мы приходим к вопросам, которые для нас важны: чего мы боимся в настоящем, что мы хотим от будущего и как должно и как не должно поэтому действовать?

Список источников

1. Mumford L. The story of utopias. New York: Bony and Liveright, Publ., 1922. 332 p.
2. Мангейм К. Идеология и утопия. 1929. 160 с. URL: https://royallib.com/book/manngeym_karl/ideologiya_i_utopiya.html
3. Аинса Ф. Реконструкция утопии / пер. с фр. Е. Гречаной, И. Стаф. М.: Наследие, 1999. 207 с.
4. Нисбет Р. Прогресс: история идеи / пер. с англ. [под ред. Ю. Кузнецова и Гр. Сапова]. М.: ИРИСЭН, 2007. 555 с.
5. Claeyes G. Nach dem Fortschritt: Die Geschichte des politischen Denkens und die Schaffung einer grünen Utopie // Die Unruhe der Kultur. Potentiale des Utopischen / Herausgegeben von Jörn Rüsen, Michael Fehr und Annelie Ramsbrock. Weilerswist: Velbrück Wissenschaft, 2004. P. 143–162.
6. Claeyes G. Searching for utopia: The history of an idea. London: Thames & Hudson, 2011. 224 p.
7. Claeyes G. Utopia at five hundred: Some reflections // Utopian Studies. 2016. Vol. 27. № 3. P. 402–411. https://doi.org/105325/utopianstudies.27.3.0402_
8. Клеес Г. Утопия и утопизм: история осмысления понятий // Практики и интерпретации. 2018. Т. 3. № 3. С. 148–160. <https://doi.org/10.23683/2415-8852-2018-3-148-160>
9. Дарендорф Р. Тропы из утопии. Работы по теории и истории социологии / пер. с нем. Б. М. Скуратова, В. Л. Близнекова. М.: Праксис, 2002. 534 с.
10. Чаликова В. А. Утопия и свобода. М.: Весть – ВИМО, 1994. 184 с.
11. Мапельман В. М. Прогресс социальный и научно-технический в трудах К. Э. Циолковского // Научное наследие и развитие идей К. Э. Циолковского: материалы 54-х Научных чтений памяти К. Э. Циолковского. Ч. 2. Калуга: Эйдос, 2019. С. 111–114.
12. Мапельман В. М. К. Э. Циолковский: самооценка философского творчества // Идеи К. Э. Циолковского в теориях освоения космоса: материалы 58-х Научных

чтений, посвященных разработке научного наследия и развитию идей К. Э. Циолковского. Ч. 2. Калуга: Эйдос, 2023. С. 8–10.

13. Хорунжий А. В. «Идеальный строй жизни»: социальная утопия К. Э. Циолковского // Утопические проекты в истории культуры: материалы II Всероссийской (с международным участием) научной конференции «Утопические проекты в истории культуры» на тему «“Город Солнца”: в поисках идеального локуса» / редкол.: Т. С. Паниотова (отв. ред.) и др. Ростов н/Д: ЮФУ, 2019. С. 36–39.

14. Хорунжий А. В. Меритократия в трудах К. Э. Циолковского в контексте становления информационного общества // К. Э. Циолковский и прогресс науки и техники в XXI веке: материалы 56-х Научных чтений, посвященных разработке научного наследия и развитию идей К. Э. Циолковского. Ч. 1. Калуга: Эйдос, 2021. С. 100–108.

15. Халуторных О. Н., Максимова М. В. О прогностических и моделирующих функциях социальных утопий русских космистов // Социум и власть. 2021. № 2 (88). С. 50–57. <https://doi.org/10.22394/1996-0522-2021-2-50-57>

16. Зеньковский В. В. История русской философии. Т. 2. Ч. 1. Л.: Эго, 1991. 134 с.

17. Циолковский К. Э. Миражи будущего общественного устройства. М.: Самообразование, 2006. 345 с.

18. Циолковский К. Э. Воля Вселенной. Неизвестные разумные силы. Калуга: Издание автора, 1928. 24 с.

19. Русская антиутопия: антология / сост. В. Г. Перельмутер. М.: Б. С. Г.-Пресс, 2014. 636 с.

References

1. Mumford, L. (1922). *The story of utopias*. Bony and Liveright, Publ.
2. Mannheim, K. (1929). *Ideologie und Utopie*. https://royallib.com/book/manng-eym_karl/ideologiya_i_utopiya.html (In Russian).
3. Ainsa, F. (1999). *Reconstruction of utopia*. Heritage. (In Russian).
4. Nisbet, R. (2007). *History of the idea of progress*. IRISEN. (In Russian).
5. Claeys, G. (2004). Nach dem Fortschritt: Die Geschichte des politischen Denkens und die Schaffung einer grünen Utopie. In von Jörn Rüsen, Michael Fehr und Annelie Ramsbrock (Eds.), *Die Unruhe der Kultur: Potentiale des Utopischen* (pp. 143–162). Velbrück Wissenschaft.
6. Claeys, G. (2011). *Searching for utopia: The history of an idea*. Thames & Hudson.
7. Claeys, G. (2016). Utopia at five hundred: Some reflections. *Utopian Studies*, 27 (3), 402–411.
8. Claeys, G. (2018). Utopia and utopism: History of the concepts' understanding. *Practices and Interpretations*, 3 (3), 148–160. (In Russian). <https://doi.org/10.23683/2415-8852-2018-3-148-160>
9. Dahrendorf, R. (2002). *Paths from utopia (Pfade aus Utopia: Arbeiten zur Theorie und Methode der Soziologie)*. Works on the theory and history of sociology. Praxis. (In Russian).
10. Chalikova, V. A. (1994). Utopia and freedom. Vest – VIMO. (In Russian).
11. Mapelman, V. M. (2019). Social and scientific-technical progress in the works of K. E. Tsiolkovsky. In *Scientific heritage and development of K. E. Tsiolkovsky's ideas: materials of the 54th Scientific readings in memory of K. E. Tsiolkovsky* (part 2, pp. 111–114). Eidos. (In Russian).

12. Mapelman, V. M. (2023). K. E. Tsiolkovsky: self-assessment of philosophical creativity. In *K. E. Tsiolkovsky's Ideas in space exploration theories: materials of 58 Scientific readings devoted to the development of scientific heritage and the development of K. E. Tsiolkovsky's ideas* (part 2, pp. 8–10). Eidos. (In Russian).
13. Khorunzhiy, A. V. (2019). «The ideal way of life»: the social utopia of K. E. Tsiolkovsky. In T. S. Paniotova (Ed.), *Utopian Projects in the History of Culture: materials of the II All-Russian (with international participation) scientific conference "Utopian projects in the history of culture" on the theme "The City of the Sun: in search of an ideal locus"* (pp. 36–39). UFU. (In Russian).
14. Khorunzhiy, A. V. (2021). Meritocracy in the works of K. E. Tsiolkovsky in the context of the formation of the information society. *K. E. Tsiolkovsky and the progress of science and technology in the XXIst century: materials of 56 Scientific readings devoted to the development of scientific heritage and the development of K. E. Tsiolkovsky's ideas* (part 1, pp. 100–108). Eidos. (In Russian).
15. Khalutornykh, O. N., & Maksimova, M. V. (2021). On the prognostic and modeling functions of the social utopias of Russian cosmists. *Society and Power*, 2 (88), 50–57. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/1996-0522-2021-2-50-57>
16. Zenkovsky, V. V. (1991). *History of Russian philosophy* (vol. 2, part 1). Ego. (In Russian).
17. Tsiolkovsky, K. E. (2006). Mirages of the future social structure. Self-Education. (In Russian).
18. Tsiolkovsky, K. E. (1928). *Will of the universe. Unknown intelligent forces*. Author's edition. (In Russian).
19. Perelmuter, V. G. (Comp.) (2014). *Russian dystopia: Anthology*. B.S.G.-Press. (In Russian).

Информация об авторе / Information about the author:

Татьяна Борисовна Карулина — кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры социальных наук и технологий Института базового образования, Национальный исследовательский технологический университет «МИСИС», Москва, Россия.

Tatyana B. Karulina — PhD in Philosophy, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Social Sciences and Technologies at the College of Basic Professional Studies, National University of Science and Technology «MISIS», Moscow, Russia.

karulina.tb@misis.ru; <https://orcid.org/0000-0003-0735-009X>